

Ирина СИЛЕЦКАЯ

ПОМНИ ИМЕНА ДЕТЕЙ СВОИХ

Рассказ

*Посвящается моей маме —
Елене Платоновне Силецкой*

Лена хорошо помнила, как началась война. Отец служил в Красной армии офицером. Должность его называлась очень красиво и загадочно — пиротехник. Он заведовал вооружением воинской части в небольшом приграничном городке Старый Самбор. То, что скоро начнется война, знали все. Еще в мае в городке появились странные приезжие, они селились в городке в гостиницах, в частном секторе, ничем не занимались, слонялись по улицам и рынкам, высматривали, вынюхивали, затевали странные, провокационные разговоры о будущей войне.

Лена весело шагала домой и ела мороженое. Ей было девять лет, она окончила второй класс. Июль гнал по улицам облака невесомого тополиного пуха, солнце начинало припекать. Кареглазая брюнетка с курносый задорным носом, смешливая, умная и симпатичная, она уже тогда нравилась мальчишкам-одноклассникам. Вот и сейчас она встретила парнишку из параллельного класса, и он угостил ее мороженым. Проходя мимо рынка, она увидела толпу людей.

— Эй, девочка! Поди-ка сюда! Хочешь, как артистка, выступать? — окликнул ее мужчина средних лет.

— Да... Хочу, — подходя, робела Лена.

— Вот становись на ящик. Это сцена. И громко-громко повторяй за мной стихи. Хорошо?

— Да...

Лену подняли и поставили на импровизированную сцену, и она начала выступать.

Внимание, внимание,
На нас идет Германия!
Нам немец нипочем,
Воюем кирпичом! —

во все горло орала она, а толпа гоготала.

— Еще! Еще! Bravo! — подзадоривала толпа, и она опять и опять повторяла подсказанные ей стихи.

Ирина Сергеевна Силецкая родилась в 1960 году в г. Здолбунове Ровенской области (Украина). Окончила Хабаровский государственный мединститут, аспирантуру Современной гуманитарной академии, Институт современного искусства и Литературный институт им. А. М. Горького (семинар Владимира Кострова). Публиковалась в журналах: «Поэзия», «Московский вестник», «Метаморфозы», «День и ночь», «Соотечественник», «Эдита», «Доля», «Крым», «Венский литератор», «Русское сердце в Европе», «Влтава», «Журнал ПОэтов». Автор десяти поэтических сборников. Поэт, прозаик, член Союза писателей России, председатель правления Европейского конгресса литераторов, организатор фестиваля «Славянские традиции». Живет в Праге.

— Милиция! Бежим! — раздались крики, и толпа мгновенно исчезла, а Лену уже снимали с ящика милиционеры.

— Ты чья такая, артистка? Ты хоть понимаешь, что говоришь? Кто тебя научил этому? Где живешь? — спрашивал милиционер.

Лена не на шутку испугалась, даже перепутала свой адрес. Когда все же выяснили, где она живет, ее отвезли домой.

— Забирайте свою дочку. Читала стихи провокационного содержания на рынке. Следите за детьми. Ее счастье, что лет ей мало и отец — офицер, — сказал матери милиционер, передавая Лену с рук на руки.

Когда за ним захлопнулась дверь, Лена получила от матери неслабую затрещину:

— Сколько раз говорила, что время опасное сейчас, что из школы напрямиком домой! Смотри, сколько лазутчиков в городе! Смотри, как опасно! Марш на кухню обедать и за уроки!

Лена бросилась в ванную, вымыла руки, шмыгнула на кухню и через час уже спала, сидя за столом над открытыми тетрадками.

Мать не разрешала Лене долго гулять во дворе. У нее были еще две маленьких дочери, и ей нужна была помощь — погулять с младшими, покормить их. А Лена, зная, что ее заставят помогать, старалась как можно позже возвращаться после школы, объясняя это дополнительными занятиями. Нагулявшись с подружками и набегавшись, она, придя домой, поев и быстро сделав уроки, тут же засыпала. Начинались каникулы, приходилось чаще оставаться с матерью, и Лена искала любой повод вырваться на свободу, к подружкам.

И вот внезапно каникулы закончились, не начавшись, а с ними и ее детство. Военный городок проснулся рано утром от рева низко летящих самолетов. Вся семья кинулась к окнам, заплакала младшая сестренка Лариса. Было темно и страшно. Отец начал быстро одеваться.

— Что-то случилось. Я — в часть! — только успел сказать он, как послышался страшный грохот. Сразу стало ясно, что бомбили склады вооружения неподалеку, потому что взрывы не прекращались, а это означало, что рвутся многочисленные снаряды. Свет не зажигали, и отец долго не мог найти ключи от складов, которых уже не было. Все выскочили на улицу. Над городком стояло зарево, время от времени откуда-то со свистом летели снаряды, разрываясь со всех сторон.

— Они знали, куда сбрасывать бомбы, сволочи! Они все знали: где склады, где часть! Я пошел! — сказал отец.

— Ты куда? Складов уже нет! Убьет тебя шальной снаряд! Детей пожалей! — кричала мать.

Но отец уже бежал по направлению к страшному зареву. Семья смотрела ему вслед, уже светало, и было видно, как за ним сомкнулась высокая трава.

Утром по радио Левитан объявил о начале войны. Мать сидела растерянная, не готовила еду, дети бегали около нее и просили есть. Только к обеду пришел отец, весь в копоти, уставший и серьезный.

— Аня, война! Я должен помочь эвакуировать семьи офицеров — и сразу на фронт. Поедешь с детьми на Урал. Не плачь... Не ты одна, вы там будете все вместе, я дам тебе продовольственные карточки, вас там встретят, разместят. Как устроишься — мне напишешь. Все, успокойся и собирайся, не пугай детей, — сказал отец.

Лена смотрела на него во все глаза. Она понимала, что они уезжают без папы, а он идет на фронт. Младшие сестренки смеялись, рвались на руки к отцу и ровным счетом ничего не понимали. Мать наконец-то вышла из оцепенения, быстро собрала на стол, отец сел обедать.

— Как же я одна? Дети маленькие. Ладно, Лена постарше, а эти? Шесть и три года... Как я с ними? Может, не поедем никуда? Может, война ненадолго? Переждем, а через месяц-два все наладится? — причитала она, передвигая кастрюльки на плите.

— Нет, Аня, это надолго, в два месяца не управимся, — грустно ответил отец. — Собирайся, завтра уезжаете. Много вещей не бери, только самое необходимое. Теплые детские вещи, одеял пару, никаких игрушек, я ведь тебе не помогу... Все, я пошел, собирайся. Все будет в порядке...

Лена хотела побежать к подружкам, но мать непустила.

— Лена, ты у меня взрослая уже. Помогай собираться. Ты же все слышала!

— А с девчонками попрощаться?

— Да они все с нами в поезде будут, что с ними прощаться-то?

К вечеру в коридоре стояли три внушительных узла. Младшие присмирели, интуитивно понимая, что веселиться нехотать. Отец пришел поздно вечером.

— Вот продовольственные карточки. Смотри не потеряй. Без них пропадешь, продуктов без них не достать, а у нас дети. Я положу их в нагрудный карман гимнастерки, завтра перед посадкой отдам, а то с детьми будешь возиться, не дай бог, потеряешь. А теперь спать. Завтра рано вставать. Ну, хлопцы, по кроватям марш! — скомандовал отец.

Лена улыбнулась. У отца было три дочери, он все мечтал о сыне, но жена регулярно приносила из роддома дочерей, и он начал в шутку называть их хлопцами. Младшие быстро уснули, а Лене не спалось. Она слышала, как на кровати долго возились родители. Она уже давно подглядывала и прислушивалась к их перешептыванию, все пытаясь разобрать: что же они там делают? А сегодня они не утихомирились до самого утра. Она слышала обрывки фраз вперемежку со скрипом кровати и поцелуями:

— Я тебя могу долго не увидеть... Ты смотри там, ты красивая, будут липнуть мужики, береги себя... Смотри мне... — шептал он.

— Ну что ты, как можно... Я все понимаю... Я буду ждать... — отвечала мать.

Снова звук поцелуя, скрип кровати...И так до самого утра.

Утром отец ушел рано. Мать подняла детей, накормила. Она очень нервничала, и ее состояние передалось детям. Лена была злая, невыспавшаяся, хныкали младшие сестры. Но мать их не утешала, она сама сидела растерянная и молчаливая.

Отец приехал на грузовике.

— Скорее, дети, Аня, скорее! Поезд через час отходит! Давайте вещи! — быстро кричал он.

— Я писать хочу! Мама, писать! — заныла Лариса.

— Ну, как же ты не вовремя! Пошли скорее, — подхватила мать.

Наконец они вышли из квартиры. Лена заметила, что мать не закрыла дверь на ключ, а просто прикрыла, переглянувшись с отцом. Всех посадили в машину, забросили узлы в кузов и поехали на вокзал.

На вокзале творилось что-то ужасное. Крики, плач, брань... Люди, ожесточенные и испуганные, толкали друг друга, не замечая ни детей, ни узлов. Каждый был занят собой и думал только о себе. Мужчины, правдами и неправдами впахнув свои семьи в вагон, только после этого переводили дыхание, стояли у окон и переговаривались с родными, рыдающими внутри. Как только отец успел втолкнуть Анну с детьми в вагон и передать через окно узлы, поезд тронулся.

— Платон! Пропаду я с ними, пропаду! Платон, я лучше останусь! — кричала со слезами мать.

— Аня, держись! Это ненадолго! Я напишу, где буду! Детей береги! — кричал бежавший за вагоном отец.

Лена держала за руку плачущую мать и тоже плакала. Малыши притихли, но уже через полчаса попросили есть. И тут мать охнула:

— Карточки! У отца в кармане остались карточки! Чем мне вас кормить? Продуктов только на два дня!

Женщины сочувственно молчали, но ни одна не дала ни одной карточки, все думали о своих детях.

Ехали уже третьи сутки, еда закончилась, и дети Анны с завистью смотрели на других детей, которые ели продукты продпайка, выдаваемые семьям военных на железнодорожных станциях. С ними, конечно, делились, но неохотно, а гордая Анна стеснялась лишний раз попросить. Ехали так медленно, что иногда можно было даже бежать вдоль поезда. Эшелон пропускал все поезда, идущие на фронт. Лишь к концу третьего дня добрались до узловой станции Жмеринка, откуда их состав должны были отправить на Урал. Все сидели в вагонах и ждали отправления. Отойти нельзя было ни на минуту: никакого расписания не было, поезд мог тронуться в любой момент, и легко можно было отстать. Солнце стояло в зените, жара нестерпимая, в вагоне пахло потом и невымытыми телами, маленькие дети уснули.

Вдруг раздался какой-то странный звук: тихий, свистящий, очень быстро набиравший силу и превратившийся в рокот двигателей. Все подняли головы вверх: шесть самолетов необычной конструкции летели прямо над станцией.

— Все из вагонов! Это немцы! Всем покинуть состав! Бегите подальше от поезда! Все из вагонов! — закричал сильный мужской голос.

Толпа кинулась к выходам, сметая на своем пути всех, кто замешкался. Кричали дети, женщины, кто-то хватал и тут же бросал свои вещи, понимая, что с ними далеко не убежать. Анна сидела в глубине вагона, прижав к себе троих детей. Она выскочила одной из последних, когда уже раздалось первые взрывы. Снаряды сыпались вокруг, оставляя огромные воронки и разорванные тела людей. Она было побежала, как и все, но почувствовала, что не может нести двоих маленьких. Оглушенная взрывами и испуганная видом окровавленных тел, она села на землю метрах в ста от вагона, накрыла руками своих детей и так сидела, как парализованная, пока не прекратилась бомбежка.

«Если суждено, так погибнем все вместе, без меня дети все равно не выживут», — крутилось в ее голове.

— Закройте глаза и не открывайте, пока я не скажу! — закричала она детям и сама закрыла глаза, чтобы не видеть всех ужасов массовой гибели людей.

Вскоре вой самолетов и звук рвущихся снарядов сменились густой тишиной, которую разрывали ужасные крики и стоны раненых и перепуганных взрослых и детей. Люди бросились искать своих родных, зачастую находя лишь окровавленные тела. Вой стоял страшный. Только Анна не кричала и не плакала, она сидела в той же позе, прижав к себе детей. Дети тоже молчали.

— Эй, вставай! Расселась... Испугалась так, что ли? — спросил проходящий с носилками мимо санитар. Анна открыла глаза, удивляясь тому, что они выжили, все выжили!

— Дети! С вами все в порядке? — принялась она осматривать и ощупывать детей.

Вот теперь они заорали, и остановить их она никак не могла. Анна потащила их к вагону искать вещи, но их вагона просто не было, а в грудe обломков своих узлов они уже не нашли. Анна пошла на станцию к начальнику.

— Я жена офицера. Моя фамилия Пацалюк. Мы потеряли карточки. Помогите, у меня трое детей, — просила она.

Ей дали на слово сухой паек на три дня, но карточки восстановить не было возможности без запроса с последнего места службы мужа. Ехать на Урал без продуктов с детьми Анна не могла, они бы умерли с голоду. Анна помнила, как неохотно расставались с продуктами соседки по вагону, и решила отправиться к своей свекрови в деревню. Туда можно было поездом добраться дня за два.

Ехали неделю, продукты закончились, дети плакали и просили есть. Выручало то, что, когда проезжали деревни, сельские женщины бросали им в теплушки кто кар-

тошку, кто фрукты. Так и держались. Наконец к ночи мужик довез их на подводе до дома свекрови.

— Вот еще, три рта привезла... Что же Платон еще четвертого не настрогал? — встретила ее свекровь.

Она никогда не любила Анну, которая была из зажиточной семьи. Когда молодой Платон приехал «поднимать» деревню по партийной путевке, то сразу влюбился в красивую дочь местного кулака. Они тайно встречались, понимая, что отец Анны будет против ее брака с «голытьбой». Но вмешалась судьба. Платон увидел список намеченных к раскулачиванию крестьян, где на первом месте значился Остапчук, отец Анны. Вечером он предупредил девушку, что если ее отец не сдаст все имущество в колхоз, то утром его отберут, а семью сошлют в Сибирь. Анна передала это отцу, и тот, собрав стадо коров, коней, две подводы семенного зерна, подводу домашнего скарба, ночью привез все к сельсовету, где день и ночь принимали движимость у кулаков, решивших «сотрудничать» с советской властью. Утром он стал бедняком: у него осталась изба с голодными детьми и возможность жить в родном селе. Платон с Анной поженились, но «богачку» невестку мать Платона так и не приняла. Вот и сейчас смотрела косо, даже детей по голове не погладила.

— Ладно, живи. Дети-то Платона? — издевалась свекровь.

Анна терпела ради детей. Ехать было некуда, немцы оккупировали Украину. В их селе они не стояли, а бывали наездами. Делами заправлял местный староста — назначенный фашистами дядя свекрови, одноногий старик, единственный мужчина на все село. Было голодно, но у свекрови осталась дойная корова. Внуков от дочери свекровь не обижала. Вечером наливала им по кружке молока, и пока те пили, подзывала детей сына и по очереди, как лекарство, давала по столовой ложке молока каждой девочке. Они выпивали и долго причмокивали, пытаясь подольше сохранить во рту волшебный вкус. Анна, вытирая слезы, молчала.

Ей с детьми выделили комнатку, где она на самом видном месте повесила портрет Платона в гимнастерке, с офицерскими погонами, чтобы свекровь не забывала, чьи дети живут у нее в доме, и ей хоть чуть-чуть было бы стыдно. В селе все знали, что у старосты живет родственница — жена красного командира, но молчали. На всей оккупированной территории фашисты искали семьи офицеров и расстреливали. Однажды в дом пришли немцы. Один из них заглянул в комнату Анны.

— Это что за женщина? Кто она тебе? — спросил он у старосты.

— Жена моя.

— А эта кто? — немец указал на жену старосты.

— И это жена моя. Сейчас мужиков нет, так у нас теперь по несколько жен. И дети все тоже мои, — врал родственник, закрывая спиной фотографию Платона. Он незаметно снял ее со стены и сунул Анне, а та за спиной медленно запихнула ее под кофточку. Так немец и не заметил фотографию русского офицера, иначе бы беды не миновать.

Больше Анна не вешала фотографию, а спрятала от греха подальше. Жизнь как-то наладилась. Анна работала в немецкой хлебопекарне, а по ночам пекла хлеб для партизан, который староста ночью же возил в лес. И ей приходилось в потемках ездить в лес — рубить ветки на дрова и тайно возить домой. Немцы за это жестоко карали, но надо было как-то топить дом, и она, прихватив с собой старшую дочь, отправлялась в лес.

— Мама, мне холодно! Я ног не чувствую, — хныкала Лена, но мать молчала, и Лена следовала за ней.

В один из дней в село вошел карательный отряд. Неизвестно, кто донес, но за Анной пришли и вытолкали на площадь, где уже были готовы пять виселиц. Ее поставили у одной из них.

— Жены офицеров — наши враги! Всех будем убивать и вешать! — проорал на ломаном русском фашист, и Анне набросили на шею веревку.

— Мама! Мама! — закричала Лена.

— Смилуйтесь, герр офицер! Она моя родственница, у нее трое детей, что я с ними буду делать? А мужа убили на фронте, так она уже и не жена офицера. Смилуйтесь, я вам верой и правдой буду служить! — молил староста.

— Хорошо, ты за нее отвечаешь, — офицер небрежным жестом указал карателям на Анну, и ее втокнули обратно в толпу. Она ничего не успела понять, стояла бледная и молчала, прижимая к себе детей. Ее опять пощадила судьба.

Но не пощадила свекровь. Мало того, что она морила голодом ее детей, так еще и не сообщила Анне фронтовой адрес Платона, а ему написала, что Анна спуталась с калекой, вернувшимся с войны, а о Платоне забыла. Не выдержав такой жизни, Анна забрала детей и пешком отправилась к своим дальним родственникам в село Вишенка под Киевом. Там они и жили до отступления немцев.

Лена очень хорошо помнила, как они сидели в подвале, а над ними рвались снаряды, затем послышались топот солдатских сапог и гортанная немецкая речь. Потом наступила тишина, но выйти все боялись. И только через час опять топот сапог, но речь уже наша, русская! Люди высыпали из своих убежищ. Так для Анны и ее детей закончилась война, но не закончились мьтарства.

Анне восстановили продкарточки, дали дров, отдельную избу, работу, но было тяжело с тремя детьми, еды не хватало. Она искала мужа по всем фронтам, но безрезультатно. Время было тревожное. Бандеровцы, сотрудничавшие с фашистами и убивавшие своих же односельчан, не успели убежать с немцами и прятались в лесах, а ночью совершали набеги на села, грабили людей и убивали коммунистов, учителей, членов сельсоветов. Был издан негласный приказ: в ночное время никому не открывать дверь. Все боялись, особенно женщины с детьми, — защитить их ночью было некому.

Однажды ночью в дверь раздался стук. Анна медленно поднялась с кровати и бесшумно подкралась к двери, стараясь не дышать. Тишина. Опять стук. Она на цыпочках подошла к детям, которые тоже проснулись и дрожали от страха.

— Молчите, не дай бог хоть чихнете, — прошептала она.

Снова стук и тихое:

— Аня! Это я!

Анна молчала. Бандеровцы могли узнать ее имя и попытаться расправиться с ней как с женой офицера.

— Анна, это я, Платон! Открой!

— Это папа! Папа! — закричала Лена.

Анна с силой зажала ей рот рукой:

— Молчи! Этого не может быть! Нас могут убить бандиты. Молчи!

А голос во дворе продолжал:

— Анна, это я. Я на неделю с фронта. Я узнал, что вы здесь. Мне мать написала, что у тебя другой, вот я и не писал, поверил, дурак. Прости, Аня, открой!

— Если ты мой муж, назови имена своих детей, — только и смогла произнести Анна.

— Лена, старшая наша дочь, Лариса и Нина, младшая. Да это я, открой, — настаивал голос.

Анна поняла, что это Платон, но сил подняться и открыть дверь у нее уже не было. Она сидела в оцепенении.

Нашлась Лена. Она бросилась к двери и принялась отодвигать многочисленные зазоры. А потом с криком «Папка!» бросилась на шею отцу.

Платон обнял всех, они сидели и плакали. Так для Лены закончилась война...